

ПОСЛУШАЙ МОЁ СЕРДЦЕ

БЬЯНКА
ПИТЦОРНО

КЛАССОВА
САМОКАТА

Лучшая новая книжка

Бьянка Питцорно

Послушай мое сердце

«Самокат»

1991

Питцорно Б.

Послушай мое сердце / Б. Питцорно — «Самокат»,
1991 — (Лучшая новая книжка)

ISBN 978-5-00-167405-4

Роман Бьянки Питцорно, живого классика итальянской литературы, рассказывает об учебном годе в обычной муниципальной школе в начале 1950-х годов. Несмотря на время действия, книга во многом остается созвучной современности, а дети-школьники узнают в ученицах и их школьных буднях себя. Начинается учебный год, и у 4 «Г» класса теперь новая классная руководительница – синьора Сфорца. Ее боготворят родители учениц, ее педагогическими заслугами гордится школа, но лучшие подруги Приска, Элиза и Розальба чувствуют к ней неприязнь с первой же встречи. Но что может ребенок против взрослого, тем более уважаемой всеми учительницы? И тогда подруги решают: с несправедливостью нужно бороться. И пусть их методы по-детски наивны, но искреннее стремление к справедливости оправдывает средства. Роман Бьянки Питцорно «Послушай моё сердце» вышел в 1991 году и стал той самой вневременной и вневозрастной прозой, которая полюбилась и детям, и взрослым и по праву зовется современной классикой.

ISBN 978-5-00-167405-4

© Питцорно Б., 1991

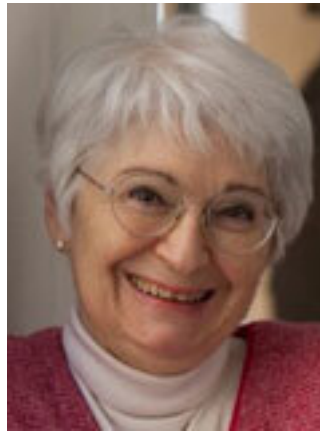
© Самокат, 1991

Содержание

Сентябрь	6
Глава первая, в которой мы знакомимся с Приской, одной из трех героинь этой книги. И с ее черепахой	6
Глава вторая, в которой Приска волнуется из-за предстоящего знакомства с новой учительницей	9
Глава третья, в которой мы знакомимся со второй героиней этой повести, которая волнуется не меньше	11
Глава четвертая, в которой две наши героини отважно встречают первый день учебы	13
Глава пятая, в которой мы знакомимся с новой учительницей	16
Глава шестая, в которой на сцену выходят две новые ученицы	18
Глава седьмая, в которой учительница ведет себя странно	19
Глава восьмая, в которой учительница выбирает неудачную тему сочинения	21
Глава девятая, в которой мы делаем шаг назад и узнаем, как подружились две наши героини	23
Глава десятая, в которой Приска открывает свое истинное призвание	25
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Бьянка Питцорно
Послушай моё сердце

© 1991, Arnoldo Mondadori Editore SpA, Milano
Illustrations Copyright © by Quentin Blake
This edition is published by arrangement with Synopsis Literary Agency

© Тименчик К. М., перевод, 2011
© Издание на русском языке. ООО «Издательский дом «Самокат», 2022

Сентябрь

Глава первая, в которой мы знакомимся с Приской, одной из трех героинь этой книги. И с ее черепахой

Когда Приска была маленькой, она ни за что не хотела учиться плавать под водой, как ни уговаривали ее папа с дедушкой. Она думала, что морская вода через уши просочится к ней прямо в мозг. А кому нужны размокшие мозги? Вот и дедушка, когда сердился, что она не поняла его с полуслова, кричал: «У тебя что, разжижение мозгов?»

По той же причине Приска никогда не прыгала с лодки или с мола, как ее брат Габриеле и другие дети. Но даже когда она мирно плавала, задрав подбородок, обязательно находился какой-нибудь противный мальчишка, который незаметно подплывал сзади, клал ей руку на голову и топил.

Сколько слез было пролито! От страха, а еще больше от бессильной злобы. А мама, когда Приска, бывало, прибежит к ней жаловаться, вместо того чтобы заступиться за нее или утешить, кричала:

– Ты что, шуток не понимаешь? Подумаешь, какая обидчивая! Ну что такого тебе сделали? Хочешь, чтоб весь пляж над тобой смеялся?

Потом Приска подросла и поняла, что вода ну никак не может залиться в мозг. Ни через уши, ни через любые другие дырки на голове. Это ей объяснил доктор Маффеи, дядя ее подруги Элизы, и подкрепил свои слова картинкой из умной медицинской книжки:

– Через рот и через нос вода может проникнуть разве только в легкие или в желудок, – показал он ей, – но никак не в мозг.

Это ее успокоило.

И теперь в свои девять Приска ныряла, стиснув зубы и зажав нос двумя пальцами, а еще плавала, опустив подбородок в воду. А еще – на спине, так что наружу только ноздри торчали. И совсем не боялась, что вода затекает ей в уши и в открытые глаза. Глаза, правда, немного пощипывало.

Так дышать она научилась у своей черепахи. Динозавра была сухопутной (по-научному *Testudo graeca*), и вместо жабр у нее были легкие, вот и приходилось ей волей-неволей дышать воздухом. Сухопутная Динозавра очень любила море. Когда Приска брала ее с собой на пляж и сажала под зонтик, она уползала за ней к воде и плавала у берега, едва заметно шевеля лапами и погрузив свой желто-каштановый панцирь в воду, так что только ноздри торчали. Но, разумеется, плавала она не на спине. Всем известно, что черепахи ненавидят лежать кверху пузом, и если вам когда-нибудь доведется встретить черепаху в таком положении, сделайте доброе дело и переверните ее, пусть ползет.

Однажды, когда Динозавра купалась, ее унесло течением, и вот она уже скрылась за горизонтом. Приска все глаза выплакала, решив, что потеряла ее навеки.

На следующее утро, ровно в семь часов, в дверь Пунтони постучал полицейский из береговой охраны. Он принес Динозавру, и Инес, которая открыла ему дверь, рассказывала потом, что парень не знал, смеяться ему или плакать, потому что черепаха от страха загадила ему всю форму бело-зелеными какашками. С черепахами так всегда, стоит им только разволноваться: Приска и Элиза не раз испытали это на собственной шкуре.

Адрес Динозавры полицейский прочел на ее номерном знаке – только благодаря этому черепаху вытащили из воды и она не уплыла в Испанию.

Около пяти утра катер береговой охраны выслеживал контрабандистов довольно далеко от берега, как вдруг за бортом показалась черепаха. Она отчаянно гребла к суше, а течение отбрасывало ее в открытое море. Полицейские сразу поняли, что это не простая черепаха – у простых черепах номерных знаков не бывает, – и, схватив рыболовную сеть, бросились ее ловить.

Гениальная идея с этим номером принадлежала Инес, младшей служанке в доме Пунтони. Инес заметила, что летом, когда Пунтони снимают домик в приморской деревне, Динозавра все время норовит уползти на улицу, а там ее могут принять за дикую – того и гляди кто-нибудь утащит.

Тогда Инес взяла красную клейкую ленту – самую прочную! – отрезала от нее кусочек и приклеила сзади на панцирь. На ленте, нажимая изо всех сил, написала чернильным карандашом: «Динозавра Пунтони. Набережная Христофора Колумба, 29, справа от бара “Джино”».

– Ну вот, такую надпись даже водой не смоешь, – сказала Инес.

Приска пришла в восторг от ее практичности.

А мама с Габриеле, наоборот, подняли их на смех.

– Где это видано: черепаха с номером, как у машины?! Что за идиотская затея?!

А вот теперь именно благодаря этой идиотской затее полицейский понял, что черепаха принадлежит семье Пунтони, и отнес ее домой. Ему, кстати, очень приглянулась Инес, но она отвергла его ухаживания – ей мужчины в форме никогда не нравились.

– Когда рядом парень в форме, мне все время кажется, что меня вот-вот арестуют, – призналась она как-то Приске.

Инес родилась в глухой горной деревушке. Тамошние жители полицейских называли «Правосудием» и, даром что не делали ничего плохого, предпочитали держаться от них подальше.

Сейчас Динозавра жила в городе, и, хотя у нее был прекрасный террариум, построенный специально для нее Приской и Элизой под присмотром Габриеле, она при всяком удобном случае пробиралась в дом, заползала в комнату своей маленькой хозяйки и пряталась под кровать. Там она ждала, когда Антония, старшая служанка в доме Пунтони, придет убирать. Завидев ее стоптанные шлепанцы, Динозавра с неожиданной для черепахи скоростью выбиралась из своего укрытия и впивалась Антонии в пятку. И не разжимала челюстей, пока Антония с визгом не стряхивала ее с ноги. Динозавра отлетала к стене, отскакивала рикошетом, как бильярдный

шар, стучалась о противоположную стену и уползала восвояси готовить следующую засаду. Они люто друг друга ненавидели, и Приска никак не могла взять в толк почему.

Глава вторая, в которой Приска волнуется из-за предстоящего знакомства с новой учительницей

Двадцать третьего сентября¹, за день до начала учебного года, Приска отправилась на море.

В семье Пунтони была традиция: в этот день папа брал отгул в своей адвокатской конторе и отвозил всех на море закрывать купальный сезон. Обычно они ездили на тихий и укрытый от ветра Можжевеловый пляж.

И вот теперь Приска плыла на спине, еле-еле перебирая ногами, чтобы не пойти ко дну. С берега до нее доносились радостные визги Филиппо, которого подбрасывала Инес, и глухие удары мяча, в который играл Габриеле. Приска смотрела в небо, на мелкие рваные облака, на летающих чаек. Щурилась от солнца и думала обо всем на свете.

Больше всего о своем возлюбленном, само собой. Теперь она так уверенно чувствует себя в воде, что во время кораблекрушения, когда ОН будет тонуть, она вцепится ему в бороду и тут же вытащит на берег, и ОН будет ей благодарен по гроб жизни. Правда, Элиза считает, что это дурацкая идея, ведь ОН все равно плавает гораздо лучше Приски и спасти его совершенно ни к чему.

– А вдруг он потеряет сознание, вдруг грот-мачта корабля ка-ак свалится ему прямо на голову?

В фильмах и комиксах всегда именно так и происходит!

Еще она думала о школе и немного беспокоилась, ведь в этом году у них будет новая учительница, завтра они увидят ее в первый раз. Мало ли, что она за птица.

Приска уже много дней только об этом и говорила. Габриеле над ней смеялся:

– Подумаешь, у всех в четвертом классе новый учитель.

Сам-то он переходил в среднюю школу², и вместо одного учителя у него теперь будет по учителю на каждый предмет.

– А если бы ты была на моем месте? – насмешливо спрашивал он Приску. – Ты что, обделалась бы от страха, как твоя черепаха?

Габриеле нарочно выбрал такое грубое слово, чтобы потом наивная Приска повторила его при взрослых, например за праздничным столом, и получила подзатыльник, не говоря уж о репутации дерзкой и невоспитанной девчонки. Сам-то он внимательно следил, чтоб у него не проскочило какое-нибудь словечко, когда поблизости был хоть один взрослый, так что все считали его очень воспитанным и спокойным мальчиком.

«Пусть Габриеле говорит что угодно!» – думала Приска. – А я все равно волнуюсь. Эту новую училку не только я не знаю. Ее же никто не знает. Даже в глаза не видел». И правда, это была не просто учительница, которая всегда работала в школе «Сант-Эуфемия» и теперь брала их класс. Нет. Эта пришла из другой школы.

Среди мам ходило много слухов о новой учительнице. Было известно, что раньше она преподавала в школе «Благоговение», единственной частной женской школе города, которую держали утонченные французские монахини. В «Благоговении», конечно, учились дочери только самых богатых и знатных родителей.

¹ В Италии начало учебного года зависит от региона. Первыми – примерно 12–14 сентября, в школы идут жители северной Италии. Герои нашей книжки живут южнее и учиться начинают только в конце сентября.

² Во времена, которые описываются в книжке, в Италии было бесплатное государственное восьмилетнее образование: пять лет начальной школы с одним учителем по всем предметам и три года по выбору: средней школы, после которой можно было продолжать образование в высших учебных заведениях или курсы профессионального образования.

Рассказывали, эта учительница очень требовательна в том, что касается учебы, не брезгует современными методиками (на музыке они даже слушали проигрыватель!), но очень строга по части дисциплины.

– На вступительных экзаменах в среднюю школу ее ученицы всегда получают высокие оценки, – сказала Элизина бабушка по маме, – как бы ей не показалось, что наша бедняжка недотягивает до этого уровня!

– За Элизу можно не беспокоиться, да и за подруг ее тоже, – возразила бабушка по папе, – они все очень развиты для своего возраста.

Но Приска беспокоилась, да еще как! Хотя бы потому, что новая учительница с самого начала повела себя немного странно. Через школьную канцелярию она известила семьи всех своих учениц, что обычный синий бант придется заменить.

Одевались ученики «Сант-Эуфемии» очень просто: черная форма и бант на шее, синий – для девочек, красный – для мальчиков. Но ученицы Арджии Сфорцы – так звали учительницу – должны были носить особенные ленты: розовые в голубой горошек, которые можно было найти только (по крайней мере, так сказала синьора Сфорца) в галантерее на бульваре Гориция.

Приска вздрогнула, и в нос попала вода: она вспомнила, что у нее-то банта нет, потому что мама дотянула с этим до последнего, и им придется покупать его сегодня.

«Надеюсь, что, когда мы вернемся в город, галантерея будет открыта», – подумала Приска.

Галантерея оказалась открыта, но, к сожалению, розовая лента в голубой горошек закончилась.

– Чего же вы хотите, синьора Пунтони? Больно много желающих на нее объявилось. У меня в жизни таких запасов не было. Еще третьего дня не осталось ни сантиметра. Я уже заказал новую партию, но она придет только дней через десять, не раньше.

– Ну вот! Почему ты не купила на прошлой неделе, как Элизина бабушка?! Послала бы Инес или Антонию, если у тебя самой времени не было, – разрыдалась Приска. – Я без банта в школу не пойду.

– Еще не хватало! – прикрикнула на нее синьора Пунтони, и так раздосадованная тем, что Приска ревет на людях.

– Мне влетит от учительницы. Она напишет мне замечание в дневник в первый учебный день. Я без банта не пойду.

– Не делай из мухи слона! Я напишу тебе объяснительную записку.

– Не пойду, не пойду, не пойду!

Синьора Пунтони вздохнула: ей так и хотелось отвесить Приске оплеуху, но при галантерейщике было неловко.

– Ну хорошо! Значит, я встану рано утром и сама отведу тебя в школу. Скажу этой твоей учительнице, что я во всем виновата.

– Ну что, так годится? – спросил папа, которому до ужина еще нужно было заглянуть в свою контору, а он уже порядком проголодался.

– Да, – ответила Приска. Но дулась весь оставшийся вечер.

Глава третья, в которой мы знакомимся со второй героиней этой повести, которая волнуется не меньше

Хотя Элизе бабушка Мариучча заранее купила розовую ленту в голубой горошек, ее тоже беспокоила предстоящая встреча. Она так волновалась, что за ужином не могла проглотить ни кусочка.

– Будешь тощая, как спичка, и тебя унесет ветром, – вздохнула няня Изолина, глядя на ее полную тарелку.

– Подумай о бедных голодных африканских детях... – с упреком добавил дядя Казимиرو.

– Зачем далеко ходить? Просто представь себе, что эта прекрасная котлета окажется в консервной банке у Доменико, – подхватила няня.

Доменико был «придворным нищим» дома Маффеи и притаскивался каждый божий день за остатками обеда, которые он складывал в старую жестяную банку с проволочной ручкой. Элиза до смерти боялась Доменико – такой он был старый и грязный. Зимой и летом нищий носил длинное, негнущееся от грязи пальто, сшитое из солдатского одеяла. При каждом шаге оно хлопало его по голым, покрытым струпьями ногам. Ходил он сгорбившись, опираясь на палку. С няней, которая выносила ему объедки на лестничную клетку, он был очень вежлив. Но когда другой нищий осмелился подняться по лестнице дома Маффеи, Доменико отдубасил его палкой и потом долго еще кричал ему вслед проклятия.

От одной только мысли о Доменико с его консервной банкой и месивом из объедков Элизу замутило.

– Ну давай, смелее! Хоть кусочек. Ложку за дядю! – настаивала няня.

– Как же! Это скорее ложка за няню! – вмешался дядя Леопольдо. – Да оставьте же ее в покое! Иногда диета лучше, чем котлета.

Он взглянул на Элизу в надежде рассмешить ее своим стишком. Но Элиза уставилась в тарелку и кусала губы.

– Средневековые рыцари тоже проводили в посте и молитвах канун посвящения, – разглагольствовал дядя Казимиро. – Это называлось «бдение над оружием». Ночь напролет они стояли на коленях на голом полу, без еды и питья...

– Еще ты тут со своими средневековыми рыцарями! – возмутилась бабушка Мариучча. – Из-за вас она вообще сон потеряет. Золотце, тебе не о чем беспокоиться. Вот увидишь, новая учительница тебе очень понравится. А теперь иди спать. Няня принесет тебе стакан теплого молока с медом.

– Хочешь, я почитаю тебе главу из «Тайн черных джунглей»³? – примирительно предложил дядя Казимиро.

– Она отлично умеет читать сама. Не маленькая, – отрезал дядя Леопольдо.

У Элизы на ночном столике действительно лежала красивая книжка с картинками «Маленькая принцесса»⁴ – Розальба дала почитать, – и каждый вечер она прочитывала из нее несколько страниц. Она как раз дошла до того, как Сара Крю обеднела и коварная директриса пансиона отправила ее жить на чердак. Элизе не терпелось узнать, что же дальше.

И она так зачиталась, что забыла о своих тревогах.

³ Приключенческий роман итальянского писателя Эмилио Сальгари (1895 г.).

⁴ Повесть английской писательницы Фрэнсис Бернетт (1905 г.).

Глава четвертая, в которой две наши героини отважно встречают первый день учебы

– Ты волнуешься? – спросила бабушка Мариучча, когда они проходили через ворота в переполненный школьный двор. – Вот увидишь, все будет хорошо.

– По-моему, тебе уже пора! – сказала Элиза, которая стеснялась приходить в школу с бабушкой, как первоклашка. – Смотри! Вон Приска! Пойду ее догоню.

– Я с тобой, хочу поздороваться с синьорой Пунтони.

Вид у Приски был жалкий – банта не было, темные локоны растрепались, белый воротничок съехал, форма помялась, на носу красовалась клякса.

Ее мама, наоборот, была как всегда элегантна: прическа – волосок к волоску, безупречная помада, перчатки, туфли, сумочка и соломенная шляпка в тон к льняному розовому костюму.

Она поздоровалась с бабушкой Мариуччей.

– Не поверите, синьора Маффеи, с утра все было в порядке, но за несколько минут моя дочь умудрилась превратиться в совершеннейшую оборванку. Прямо не знаю, что с ней делать. На улицу стыдно выходить.

– Ты можешь идти на два шага впереди и делать вид, что со мной не знакома, – предложила Приска.

– Посмотрите на нее! Она еще шутит. Надеюсь, новая учительница – не такая тряпка, как синьорина Соле, и сможет тебя приструнить!

«Надеюсь, нет», – подумала Элиза. Приска нравилась ей ровно такой, как есть. Лучшей подругой, которую она ни на кого не променяет. Даже на Розальбу: такую милую, добрую и верную, что дядя Казимино прозвал ее «верный Каммамури».

Приска, конечно, была Сандоканом, а Элиза долго колебалась между Янесом и Трёмаль-Найком. В конце концов победил Трёмаль – потому что у него была тигрица Дарма⁵. То есть в данном случае – старый, жирный и очень трусливый нянин кот Чиччо, который боялся даже мух. Случись ему оказаться в настоящих черных джунглях, он бы вскарабкался к Элизе на руки и ни за что бы оттуда не слез.

Толпа детей и родителей теснила их вверх по мраморной лестнице к главному входу.

– Ну, бабушка, уходи уже! – нетерпеливо умоляла Элиза.

– Иду-иду, – обиженно сказала бабушка Мариучча, – но за обедом расскажешь, какая она, эта новая учительница. И, пожалуйста, после уроков сразу домой, не застревай нигде по дороге.

Синьора Пунтони проводила обеих девочек в вестибюль, еле продравшись сквозь толпу. Школьники носились по коридорам в поисках своих классов, толкались, смеялись и громко окликали друг друга.

– Смотри! Там Марчелла! А вот Вивиана и Фернанда! Привет, Джулия! – вопила Приска, замечая одноклассниц.

Здорово снова увидеть одноклассниц после каникул. Даже таких противных, как Звева и Алессандра. Казалось, что лето все стерло – ссоры, обиды, соперничество. И они уже не были «врагами».

Да, «врагами», потому что с первого класса между средним и правым рядом велась война. В среднем сидели Приска, Элиза, Розальба и их подружки. Они все хорошо учились, но были среди них довольно резвые и шумные, так что учительница Соле нежно звала их «мой Сорванцы». В конце концов так стали называть весь ряд. Правый ряд делили между собой те,

⁵ Каммамури, Сандокан, Янес, Трёмаль-Найк с тигрицей Дармой – герои серии приключенческих романов Эмилио Сальгари.

кого Приска и Розальба окрестили Подлизы и Притворщицы: они вечно строили козни всем подряд, притворялись, разбалтывали чужие секреты и шпионили. Все, кроме ужасной Зевы Лопез Дель Рио, которая была слишком надменна для подобных интриг. Зато она была такой жестокой и властной, что ее соседка по первой парте Эмилия Дамиани постоянно ходила вся в синяках от ее щипков и тычков.

Левый ряд, не такой сплоченный и без признанных лидеров, обычно сохранял нейтралитет, за что и был прозван Крольчатником. Но в самых горячих схватках он примыкал к среднему. Не думайте, впрочем, что эта поддержка давала большое преимущество среднему ряду, потому что правый мог рассчитывать в случае надобности на более могущественного союзника в лице учительницы, обманутой коварным поведением Подлиз и Притворщиц.

Учительница – синьорина Соле, а не новая – не принимала всерьез стычки между своими ученицами. Она считала, что это нормально, и, со своей стороны, старалась быть справедливой, потому что была привязана к ним ко всем.

– Мне повезло, – говорила она коллегам. – У меня хороший класс. Все девочки порядочные, воспитанные, присмотренные. У меня с ними никаких проблем.

Хотя некоторые девочки были из очень небогатых семей, как дочка портнихи Луизелла или дочь сторожа Анна, в полдень все ходили есть домой, и никто не оставался на завтрак, который предоставлял самым бедным ученикам попечительский совет школы. Это тоже очень нравилось учительнице, которой не приходилось дежурить в шумной и вонючей столовой.

Неудивительно, что 4 «Г» славился как лучший женский класс школы, и поговаривали, что новая учительница согласилась перейти из школы «Благоговение» только при условии, что ей достанется именно этот 4-й класс, и никакой другой.

Сегодня в толпе ученицы 4 «Г» отличались от всех остальных школьников розовым бантом в голубой горошек. Правда, некоторые, как и Приска, не успели купить ленту.

Многие девочки пришли с мамами и с букетами в руках. «А вот и Подлизы готовятся заискивать перед новой училкой», – подумала Приска и поняла, что ничего не изменилось. Никакого перемирия не будет. Вражда вот-вот вспыхнет с новой силой. И она первой объявит войну.

– Подлизы! – крикнула Приска.

Одна из мам услышала ее и сказала дочери:

– Какая невоспитанная девочка. Кто это?

Синьора Пунтони побагровела.

– С ума сошла! Ты хоть знаешь, кто это? Жена судьи Панаро! От него зависит решение в процессе, который ведет твой отец!

Приска стерпела подзатыльник, даже не пикнув, потому что поняла, что на нее смотрят. Незачем всяким Подлизам знать, что она чувствует.

Вообще-то она очень волновалась. Чем ближе они подходили к классу, тем быстрее колотилось сердце. Она взяла Элизу за руку и приложила к своей груди. Бум-бум-бум...

– Перестань! Ты нарочно так делаешь, чтоб меня напугать, – возмутилась Элиза.

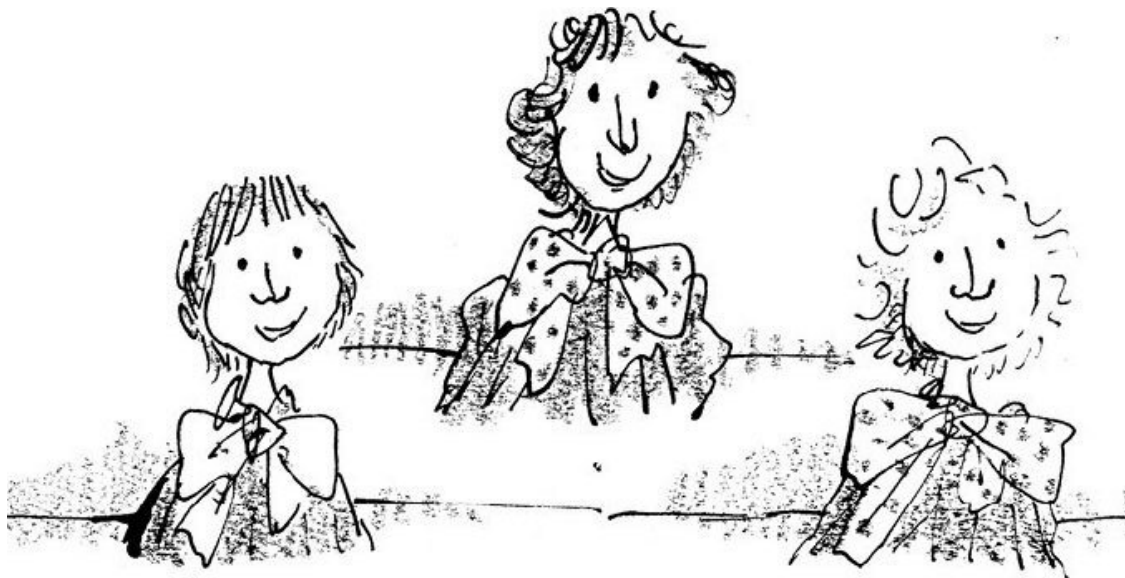
– М-да, для племянницы кардиолога ты ужасная невежда, – ответила подруга, – ты что, не помнишь, как синьорина Соле объясняла нам, что работа сердца, легких и желудка непроизвольна? Невозможно так делать нарочно.

В этот момент прибежала Розальба, за ней – старик в серой рубашке с ее портфелем в руках (вовсе не ее дедушка, как многие думали, а заведующий складом ее отца по имени синьор Пирас).

– Видали, я пришла вовремя?! Все, синьор Пирас, идите в магазин, – запыхавшись сказала Розальба, которая, как и Элиза, стеснялась, что ее провожают. Синьора Пираса не при-

шлось просить дважды. Он поставил портфель на землю и побежал подметать магазин опилками⁶, ему надо было успеть к открытию.

Подруги так радостно обнялись, будто не виделись целое столетие, хотя два дня назад все втроем играли у Элизы. Они повернули за угол и наконец увидели ее, свою новую учительницу, которая поджидала их в глубине коридора в дверях старого класса.

⁶ Прежде чем подмести, пол было принято посыпать влажными опилками, хорошо впитывающими грязь и пыль. Так до сих пор делают в метро.

Глава пятая, в которой мы знакомимся с новой учительницей

Учительница Арджиа Сфорца оказалась невысокой и полной. И старше, чем они ожидали. А может, так только казалось из-за того, что она была вся серая. У нее были серые волнистые волосы и очки в металлической оправе. А еще серая юбка и серая вязаная кофта. И лицо, подумала Элиза, тоже какое-то серое, несмотря на яркое пятно пунцовой помады.

Но тут лицо учительницы озарилось широкой пунцовой улыбкой: она увидела Эстер Панаро, которая подходила за руку с мамой, сжимая букетик цветов («первая Подлиза нанесла удар!» – наострила уши Приска).

Не переставая улыбаться, синьора Сфорца любезно приветствовала родителей и выслушивала извинения тех, чьи дочери, как Приска, пришли без правильных розовых бантов в голубой горошек.

– Ничего страшного, синьора. Да, понимаю. Разумеется, во всем виноват галантерейщик... Не волнуйтесь. Пока я закрою на это глаза. Но, пожалуйста, как только будет возможность... Я очень рада, что ваша дочь оказалась у меня в классе. До свидания! Идите спокойно. Ничего страшного.

– Видишь, какая она милая? – прошептала синьора Пунтони дочке. – Стоило поднимать меня с постели в такую рань! Вечно ты делаешь из мухи слона.

Учительница горячо пожимала руки родителям, гладила по головкам девочек, поправляя им прически. Элиза вздохнула с облегчением.

Но когда они сели за парту, Приска шепнула ей:

– Мне не нравятся ее руки. Даже не знаю, как объяснить... Ты как следует их разглядела? Они белые и мягкие, будто без костей. Погладила – как змея проползла.

Элизе нечего было на это сказать, потому что ее учительница не погладила. Ее она, нагнувшись, поцеловала в лоб, оставив на нем яркий пунцовый след. Элиза решила, что поцелуем удостоили только ее за то, что она сирота. Наверное, учительница узнала это из табеля или классного журнала. Наверное, там написано: Маффеи Элиза Лукреция Мария, отец – покойный Джованни, мать – покойная Гардениго Изабелла.

Родители Элизы погибли во время бомбардировки, когда их первой и единственной дочери было два года. Сама Элиза спаслась, потому что была не с ними, а в эвакуации в деревне вместе со своей няней и бабушкой Мариуччей. Но она не осталась на свете одна-одинешенька, как героини слезливых романов, которые так нравятся Розальбе. Наоборот, у нее была куча родственников, которые перессорились из-за того, кто возьмет ее к себе. Ожесточеннее всех спорили две бабушки.

Бабушка по материнской линии, Лукреция Гардениго, настаивала, что у нее девочке будет лучше, потому что она живет на вилле с садом, тремя горничными и шофером. Бабушка по отцу, Мариучча Маффеи, говорила, что раз «ребята» доверили ей малышку на время эвакуации, значит, они считали, что она лучше всех справится с ее воспитанием.

В конце концов они так и не смогли договориться и решили довериться судьбе: дядя Леопольдо предложил дедушке Анастасио срезаться в кости. Победивший забирал Элизу. Как мы видели, судьба решила спор в пользу семьи бабушки Мариуччи, и Элиза осталась жить с ней, старой няней Изолиной и тремя дядями: Казими́ро, Леопольдо и Бальдассаре, братьями ее отца. Когда на дядю Леопольдо находило настроение телячьих нежностей, он сажал Элизу на колени, целовал ее за ушком и говорил:

– Ты моя, и только моя. Это я выиграл тебя в кости, и пусть только кто-нибудь попробует отыграться!

Глава шестая, в которой на сцену выходят две новые ученицы

Все родители ушли. Девочки расселись по партам, заняв свои обычные места.

И тут, за несколько секунд до звонка, в класс робко зашли две новые ученицы. Все сразу поняли, что они из тех бедных девочек, что живут в старом квартале у рынка или на окраине, где город сливается с деревней. И не только по синим выцветшим бантам на шее вместо розовых в голубой горошек, как требовала синьора Сфорца.

Месяц назад бабушка Мариучча вызвала портниху сшить Элизе пару новых школьных платьев – за лето она вытянулась на четыре сантиметра! – и, как обычно, принялась причитать:

– Почему обязательно черная форма? У меня сердце сжимается, когда она выходит на улицу вся в черном, как сиротка из приюта.

Элиза не раз видела этих сироток в их черных накидках – они часто сопровождали похоронные процессии. Сиротки пели на латыни и казались очень грустными. Но стоило опекавшей их монахине отвернуться, как они начинали хихикать, строить рожи, пихаться и толкаться, а если замечали, что Элиза на них смотрит, показывали ей язык. Элиза частенько задумывалась о том, как так получилось, что никто из родственников не добился чести взять их к себе. Может, они играли в кости с приютом, и монахини всегда выигрывали.

А дядя Бальдассаре, когда бабушка сетовала на цвет фартука, всегда заступался за эту спартанскую школьную форму:

– В ней все мальчики и девочки выглядят одинаково. И не видна разница между богатыми в красивой и модной одежде и бедными в лохмотьях. Форма скрывает все различия и не может породить зависть и соперничество. Мы же столько боролись за бесплатное и обязательное образование; и вот, начальная школа – единая, одинаковая для всех... Школьная форма – это символ равенства, и мы должны им гордиться!

И ничего этот дядя Бальдассаре не понимает, подумала в тот день Элиза, глядя на двух новеньких. И она, и ее подруги способны с ходу распознать бедную девочку по тысяче других деталей.

Не говоря уже о том, что форменные платья могут быть очень даже разными. В таких, например, как у Зевы Лопез и Эстер Панаро, хоть на бал отправляйся: блестящие, со сборчатым подолом, складками и воланами, с накрахмаленным кружевным воротничком и чистым платком в кармашке. А бывают потертые, заштопанные с оторванными карманами и твердым холодным целлулоидным воротничком, который можно не стирать, а просто почистить ластиком. К тому же бедные девочки всегда носят одно-единственное платье, а у остальных по два, а то и по три на смену, да еще разного фасона.

А прическа: сразу видно, что их волос никогда не касалась рука парикмахера. Чистые волосы для них вообще большая редкость, обычно они замусоленные, спутанные, покрытые коркой грязи. А под фартуком сползающие штопанные чулки и ботинки из пожертвований школьного попечительского совета – из твердой, как картон, искусственной кожи, прибитой к подошвам уродскими металлическими гвоздями.

Еще они неприятно пахли, много и заразительно ругались и лучше всех прыгали через скакалку и играли в вышибалы. А еще обычно бедные девочки и мальчики остаются на второй год. Вот Аннина Демуро училась с ними в первом классе, но потом ее два раза оставляли на второй год, и в этом году она должна была снова идти во второй класс: такая худая и высокая среди всех этих девчушек, которые только-только научились писать.

Глава седьмая, в которой учительница ведет себя странно

Две новенькие тоже были второгодницами. В прошлом году их видели в коридоре с 4 «В». Видимо, теперь их определили к ним в класс «Г», потому что он самый маленький из четвертых и у них всегда есть пустые парты.

Несколько Кроликов приветливо улыбнулись. Но девочки не смогли войти в класс, потому что учительница остановила их на пороге:

– А вы что тут делаете?

– Нам в канцелярии сказали идти в 4 «Г».

– Глупости. Вы перепутали класс.

Девочка повыше робко повторила:

– Но в канцелярии сказали «Г»!

Тут синьора Сфорца совсем взбесилась:

– Не смей мне перечить, грубиянка! Если я сказала, что вы перепутали, значит, так и есть!

– Но...

– Никаких «но»! Ты, что, слов не понимаешь? Сразу видно, второгодница!

Остальные девочки внимательно слушали, а Приска уже вся извертелась за партой. Учительница позвала служителя, который заглянул в свои бумажки и сказал:

– Все правильно. Эти две девочки записаны в 4 «Г».

– Но это невозможно! – кричала учительница, – пойдите уточните в канцелярии. Мне обещали...

– Извините! – вскочила Марчелла Озио, которая сидела на первой парте в ряду Кроликов, ближе всего к двери. – Простите, синьора Сфорца, может, вы спросите, как их зовут, и проверите, записаны ли они в журнале?

Девочек звали Гудзон Аделаиде и Реповик Иоланда. И их имена были в журнале. Учительница побледнела.

– Так. А почему же у вас тогда нету розовых бантов в голубой горошек? – злобно спросила она.

– В галантерею их не осталось... – пробормотала Гудзон Аделаиде.

– Надо было раньше думать, – отрезала учительница.

Девочки пожали плечами.

– Отлично. Сделайте мне одолжение: отправляйтесь домой, и чтоб духу вашего здесь не было, пока не достанете форменный бант! Вон!

Иоланда и Аделаиде понуро пошли к лестнице.

Приска вертелась за партой, как угорь на сковородке.

– Послушай, как бьется мое сердце! – прошептала она, схватив Элизу за руку и прижав ее к груди. – Оно вот-вот разорвется.

БУМ-БУМ-БУМ.

– Не пугай меня! – взмолилась Элиза. Она прекрасно знала, что добром это не кончится – Приска не выносила несправедливости.

И действительно, Приска уже встала и решительно направилась к двери.

– Ты куда, Пунтони? В туалет еще рано выходить. К тому же, надо спросить разрешения.

– Я иду не в туалет, я иду домой, – еле сдерживаясь, проговорила Приска. – Вернусь, когда достану розовый бант.

– Что тебе в голову взбрело? Остановись! Ты что, не слышала, что я сказала твоей маме?

Белые полные руки оказались неожиданно сильными. Они схватили Приску за плечи и водрузили за парту. Учительница велела Марчелле закрыть дверь.

– А теперь начнем урок! – сказала учительница, как ни в чем не бывало сияя пунцовой улыбкой.

Глава восьмая, в которой учительница выбирает неудачную тему сочинения

– Возьмите ваши тетрадки, – сказала синьора Сфорца после переключки (фамилии Гудзон и Реповик она просто пропустила). – Для начала возьмем тему, которая поможет мне поближе с вами познакомиться.

«Возьмем? – пронеслось в голове у Элизы. – Ты тоже собираешься писать?», и она еле заметно улыбнулась, что не скрылось от орлиного взора учительницы.

– Что тут смешного, Маффеи? Ты хочешь первый день учебы начать с замечания?

Элиза покраснела и уткнулась в тетрадку. Приска нахмурилась.

Учительница подошла к доске.

– Тема сочинения такая, – сказала она и застучала мелом, выводя каждую букву, – «Кем работает мой папа».

Элиза проглотила комок, который застрял у нее в горле. На глаза навернулись слезы. Синьорина Соле старалась не давать сочинения на такие темы. Но синьора Сфорца ведь тоже знает, что у нее нет ни папы, ни мамы. Разве она не поцеловала ее единственную из всех за то, что она сирота? И что ей теперь писать? А что писать Луизелле, у которой тоже нет папы? Кстати, почему это ее не поцеловали? Может, потому что она потеряла только папу, а мама у нее была?

Элиза чувствовала, как слезы давят ей на веки и щекочет в носу, но не хотела доставлять учительнице удовольствие видеть, как она плачет. Она отогнала слезы, хлопнув носом.

– Маффеи! Если ты простудилась, возьми носовой платок! – прикрикнула синьора Сфорца, от которой, видимо, не утаить ни вздоха.

– Не валяй дурака! Придумай что-нибудь! – прошептала Приска, пихнув ее локтем. – Напиши, например, что твой отец – английский король, или знаменитый убийца, или сумасшедший изобретатель, или киноактер, все, что взбредет в голову.

Элиза покачала головой. Она так не умеет. К тому же она так расстроилась, что не сможет сосредоточиться.

– Тогда делай вид, что пишешь! Я за тебя напишу сочинение. Про дядю Леопольдо, – прошептала Приска.

– Пунтони, тихо! Что за разговорчики? Еще одно слово, и я тебя отсажу, – гаркнула учительница.

Но Приска ее не слушала. Она уже увлеченно писала – больше всего на свете Приска любила писать. Постепенно к ней вернулось хорошее настроение, она заулыбалась.

Приска передала листок Элизе, чтобы та его перекачала. Вот что там было написано:

Папы у меня нет, поэтому я расскажу о его брате-близнеце, дяде Леопольдо. Мой дядя Леопольдо по профессии кардиолог. Кардиолог – это врач, который лечит людям больное сердце, и если сердце случаем сломалось, он его чинит. Но мой дядя сердца не чинит: он, наоборот, их ломает, точнее разбивает. Но он не нарочно. К тому же не всем. Только красивым молодым женщинам. Они все в него влюбляются. Они притворяются больными, мол, у них сильное сердцебиение, только чтобы попасть в его клинику и лечиться у него. Тогда они заболевают по-настоящему и остаются с разбитым сердцем, потому что он не отвечает им взаимностью. Но дядя такой очаровательный, что эти дуручки все равно не могут его не любить.

Мой дядя очень красивый. У него голубые глаза, он лысый, и у него блестящая загорелая голова. Лица почти не видно, потому что у него

длинная каштановая борода и усы. Он высокий и крепкий, как боксер. Он очень сильный, и когда кто-нибудь из больных теряет сознание, может сам отнести его в больницу.

Дядя живет с моей бабушкой, со мной и двумя своими братьями. Мы были бы счастливой семьей, но эти красивые женщины, которые за ним увиваются, никогда не оставляют нас в покое. Они заваливают наш дом письмами, цветами и шоколадными конфетами «Поцелуй». Они грозятся покончить с собой на нашей лестничной клетке, и бабушку это беспокоит, потому что она не любит смотреть на кровь, а уж тем более вытирать ее тряпкой. Но я ее успокаиваю: «Может, они не будут резать вены. Может, просто отравятся, и все будет чистенько».

Эти поклонницы шпионят за моим дядей через подзорную трубу из домов напротив и посылают ему любовные записочки с помощью духового ружья или почтовых голубей. Они пишут «ДОРОГОЙ ЛЕОПОЛЬДО то... ДОРОГОЙ ЛЕОПОЛЬДО сё. ЛЮБОВЬ МОЯ, Я ТЕБЯ ОБОЖАЮ, Я ЖИВУ ТОЛЬКО РАДИ ЛЮБВИ К ТЕБЕ». Как можно быть такими идиотками?

Моему дяде плевать на них всех. Он влюблен в мою лучшую подругу, знаменитую писательницу, которой всего девять лет, поэтому они не могут пожениться. Но он поклялся, что подождет ее. Когда ей исполнится пятнадцать, они поженятся, я буду подружкой невесты, которая держит шлейф, и все мы будем жить долго и счастливо. Вот такая работа у моего дяди.

Элиза Маффей, 4 «Г»

– Ты с ума сошла? – вполголоса сказала Элиза, прочитав черновик. – Я не могу сдать такое сочинение.

– Почему? Прекрасное сочинение, – обиделась Приска.

– Маффей! Пунтони! О чем вы там болтаете? Тихо! – прогремел голос учительницы.

Элиза писала, зачеркивала и писала снова и, когда время вышло, вот что получила синьора Сфорца:

«Мой отец умер, так что никем не работает. Он лежит на кладбище вместе с мамой. Бабушка Мариучча каждый день приходит на их могилу. Иногда она берет меня с собой».

Учительница собрала тетрадки и унесла проверять домой. Не то чтобы она ожидала каких-то сюрпризов. Она заранее все разузнала о семьях своих учениц. Ей было известно, что среди пап есть префект, судья, нотариус, два адвоката, два крупных землевладельца, дантист, хирург, журналист, два богатых торговца – все они задавали тон классу и делали его похожим на классы школы «Благоговение».

Еще там есть – и синьора Сфорца не могла взять в толк, как директор мог такое допустить, – столяр, зеленщик, слесарь, крестьянин, сторож и портниха. Портнихой работает мама Луизеллы, а папа у нее умер, хотя учительница и не стала целовать ее в лоб.

Как бы то ни было, даже дочки таких скромных родителей – девочки воспитанные, прилежные и смышленные.

Элиза Маффей – вообще особый случай: ее дедушка с бабушкой по материнской линии очень знатные, богатые и влиятельные, хотя семья отца, с которой она живет, и поскромнее. Зато дяди, как на подбор, – архитектор, кардиолог и инженер.

«Прекрасный класс!» – думала синьора Сфорца по дороге домой. Почти идеальный.

Глава девятая, в которой мы делаем шаг назад и узнаем, как подружились две наши героини

Приска и Элиза были подругами всю жизнь. Точнее, они стали подругами еще до своего рождения.

– Ваш случай, – изрекал дядя Казими́ро, – типичный образец наследственной дружбы.

Действительно, папа Приски еще в школе подружился с Элизиным папой и его братом-близнецом дядей Леопольдо. И когда Элизин папа погиб, Прискин папа и дядя Леопольдо поклялись, что будут заботиться о сироте. Поэтому дядя Леопольдо сыграл ту знаменитую партию в кости. А синьор Пунтони любил ее, как родную дочь. Так что Приска и Элиза были не просто подруги, но даже в каком-то смысле сестры.

К счастью, в тот день, когда они встретились – одной было две недели, другой – три месяца, они сочли друг друга очень симпатичными и сразу же подружились, что далеко не всегда бывает с сестрами.

– Представь, если бы ты оказалась мерзкой девчонкой и мы бы все время ссорились! Или подлизой и врушкой, – говорила иногда Элиза.

– А если бы ты была заносчивой и вредной, как Звева, – отвечала Приска, – я бы тебя хорошенько отдубасила! Взрослые ни за что не заставили бы меня с тобой дружить.

Подруги проводили вместе чуть не каждый день после школы. Иногда Элиза приходила к Приске, иногда наоборот.

У Элизы они могли спокойно поиграть и сделать уроки, а вот в доме Пунтони всегда была страшная суета. Ну, во-первых, Габриеле со своими друзьями. Мальчишки были всего на два года старше, но смотрели на них свысока и все время дразнили. Вообще-то Приска и Габриеле неплохо ладили, но перед друзьями он стеснялся девчонок и делался таким же противным.

А тут еще Филиппо – прелесть, конечно, как все малыши, – но он только-только научился ходить и все хватал: рвал Прискины книги, ломал ее игрушки и ронял на себя тяжелые предметы.

Теоретически, за ним должна была присматривать Инес. Но когда подруги были дома, она приносила его к ним в комнату.

– Посмотрите за малышом пять минут? Мне надо в туалет.

Она исчезала, и пять минут превращались в час.

– Она заперлась в туалете и читает продолжение фоторомана в журнале «Гранд-Отель»⁷ – объясняла Приска. Маме она, конечно, не жаловалась.

А тем временем Филиппо успевал раскидать все их игрушки, описаться, вскарабкаться двадцать раз на кровать и столько же раз упасть.

На крик ребенка, которого Приске и Элизе никак не удавалось унять, прибежала Инес.

– Только бы хозяйка не услышала! – и она прикладывала ему монетку к ушибу. Шишки, правда, все равно никуда не девались.

В доме Маффеи, наоборот, у Элизы была прекрасная комната, куда взрослые всегда стучались и спрашивали: «Можно?»

А если Элиза отвечала: «Секундочку», они ждали в коридоре, пока она не скажет «Входите». Это производило огромное впечатление на ее подруг.

Каждый раз, разделавшись с уроками, Приска предлагала Элизе зайти в комнату дяди Леопольдо (естественно, когда его не было дома). Она входила туда на цыпочках, как в церковь. Трогала одним пальцем подушку на кровати.

⁷ Популярный итальянский журнал конца 1940-х – начала 1950-х годов, печатавший фотороманы. Они были устроены как современные комиксы, только вместо картинок там были фотографии.

– Сюда он кладет голову, когда спит.

Она страшно ревновала к трем мужчинам, портрет которых висел над кроватью доктора Маффеи. Их профили были нарисованы в ряд, на головах у всех были странные капюшоны, а сверху лавровые венцы.

Элиза, которая была с ними знакома с детства и сто раз о них спрашивала, объясняла:

– Их зовут Данте, Петрарка и Боккаччо. Это очень древние люди. Все они были писателями.

– Подумаешь, я тоже писательница, – с завистью говорила Приска. И думала: «Но мой портрет дядя Леопольдо почему-то не вешает в своей комнате».

Глава десятая, в которой Приска открывает свое истинное призвание

Любовь к дяде Леопольдо и решение стать писательницей родились в сердце Приски одновременно. Вот как было дело. Каждый год в конце декабря фармацевтические фирмы посылали доктору Маффеи кучу роскошных ежедневников: в кожаных и матерчатых переплетках с золотыми буквами на обложках и корешках. Так они поздравляли его с Рождеством и заодно рекламировали свои лекарства.

Естественно, дяде Леопольдо нужен был только один из них. Остальные он раздавал родственникам и друзьям, но ему и в голову не приходило, что такой подарок может понравиться маленькой девочке, по крайней мере, Элиза никогда не проявляла к ним никакого интереса. Но однажды Приска с папой пришли в клинику дяди Леопольдо, чтобы поздравить его с Новым годом.

Приска, которая тогда ходила во второй класс, только что сделала удивительное открытие. Она заметила, что если записать одну за другой в несколько длинных предложений, например про маму или про весну, ну, все эти глупые мыслишки, которые все равно толкутся у нее в голове, то получится рассказ. Так просто, что Приска подумала: «Так вот как пишут книги! Может, и я могу стать писательницей?»

Но пока из этого ничего не вышло, наверное, потому что у нее были только тетрадки в линейку с черной обложкой, ни капельки не похожие на книги. И вообще, она твердо решила быть тореадором... когда вырастет, разумеется. Она смотрела с Инес кино про тореадора, и он сразил ее наповал. Какой у него костюм! А как он размахивает красной тряпкой перед самым носом у быка! Она даже выяснила, что его костюм по-испански называется *traje de luz*, а красная тряпка – *muleta*.

– Ты совсем сдурела! – сказал ей Габриеле. – Ты только что записалась в Клуб защиты животных, а теперь хочешь быть мясником на арене!

– Тореадором!

– А тореадор, по-твоему, кто? Настоящий мясник, только в блестящем костюме!

«Ну, я-то не буду убивать быков, – думала Приска, – я буду их другом. Мы с ними будем просто играть и бегать, и все зрители будут нам аплодировать и бросать цветы».

– Все равно женщин-тореадоров не бывает, – презрительно добавлял Габриеле.

«Придется поменять пол», – решила Приска. Элиза ей как-то показала медицинский журнал дяди Леопольдо, и в нем была фотография шофера грузовика из Швеции, который сделал себе операцию и превратился в красивую девушку. «А еще если бы я была мальчиком, я бы могла стать юнгой и путешествовать по миру, – думала Приска, – но что же тогда будет с моими семнадцатью детьми?»

Дело в том, что мама вечно жаловалась, сколько хлопот с маленькими детьми (она, конечно, не говорила «с вами», но кого еще она могла иметь в виду?). Приске это страшно надоело, и она назло решила родить семнадцать детей: восемь мальчиков и девять девочек. Она уже выбрала для них имена – самые странные, какие удалось найти в святцах, и была уверена, что они вырастут очень хорошими и воспитать их будет легче легкого.

«Ну хорошо! Значит, я сначала выйду замуж и рожу своих семнадцать детей и только потом поменяю пол и стану тореадором». Вот что значит научный прогресс.

Но вернемся к тому Новому году и клинике доктора Маффеи.

Когда Приска увидела стопку ежедневников (не меньше десятка!), ее как током ударило. Ей почудилось, что эти цветные блокноты зовут ее, как сирены, чуть не увлекшие Одиссея в глубину моря.

– Заполни меня! Заполни меня! – кричали белые страницы с золотым обрезом. – Возьми перо и покрой меня словами!

Приска уставилась на них как замороженная. Вот они – книжки, которые можно написать! Уже готовенькие, в переплете, как из магазина, только пустые, ждут, пока их заполнят словами и рисунками.

И ровно в эту секунду она решила, что не будет ни тореадором, ни юнгой, а станет писательницей. К тому же это никак не мешает ей иметь семнадцать детей. Она так смотрела на эти ежедневники, что дядя Леопольдо сказал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.